

В.А. ТУЕВ

*зав. кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор*

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современную Россию можно понять, только обратившись к ее историческим корням и связав нашу историю со всей мировой историей. Уже три века, начиная с Петра I, в стране предпринимаются попытки реформ. Как утверждает А.А. Кара-Мурза, всего их было 14 и все они носили характер «догоняющей модернизации». Были ли они вызваны внутренними процессами в стране? Нет, констатирует историк, они были обусловлены в первую очередь внешними факторами.

Главным из этих факторов было противостояние России «цивилизационному» давлению со стороны Запада. В.В. Кожин говорит, что Запад начал войну против российской цивилизации еще в первом тысячелетии и с тех пор она продолжается, прерываясь лишь для накопления сил. Все попытки модернизации страны как раз и были вызваны связанной с этим необходимостью преодоления ее военно-технического отставания от Запада. Как заметил Г.В. Плеханов, если бы не эта необходимость, реформы, нацеленные на европеизацию, вообще были бы не нужны. Источником всех этих реформ было не что иное, как вызов западной цивилизации.

Однако многозначительным фактом нашей истории является то, что все подобные реформы заканчивались контрреформами. Чем это объяснить? Со времен Петра I российское общество оказалось расколотым на европеизированный «верхний» слой и сохранившую традиционный жизненный уклад народную массу. Выразители традиций национальной культуры в среде интеллигенции, в противовес реформаторам-западникам, отстаивали самобытность России, поэтому каждая попытка реформирования общества неизбежно обостряла конфронтацию сторонников и противников реформ. Половина населения была не согласна с вестернизацией страны. Временами западничество становилось основной жизненной парадигмой, но глубинные

корни русской жизни прорастали сквозь него и в конце концов одерживали победу.

Впрочем, сторонники самобытного пути России тоже видели историческую необходимость реформ, особенно в сфере народного просвещения, сознавая, что только таким образом Россия может реализовать свое историческое призвание. Отсюда высокая оценка этими мыслителями деятельности Петра I, который хотя и прорубил окно в Европу, однако «не презирал страны родной, — он знал ее предназначенье». Но они при этом были противниками разрыва с духовно-культурным наследием Древней Руси, с традициями русской народной жизни, которые позволяли воспроизводить высшие нравственные ценности.

Обращение русской интеллигенции к марксизму в последние десятилетия XIX в. явилось свидетельством углубления модернистских тенденций и ориентации на сближение России с Западом. Марксисты той эпохи видели путь к социалистическому будущему России в ускоренном развитии капитализма по европейскому образцу. Большевики-ленинцы в традиционном споре западников и славянофилов занимали западническую позицию и видели основную задачу грядущей революции в преодолении отставания России от Запада. По оценке В.И. Ленина, «Восток окончательно встал на дорожку Запада» и примет участие в борьбе за его идеалы. Отсюда идея «проскочить» капиталистическую стадию развития на волне мировой пролетарской революции. Ее подготовка и инициация стали для большинства партийных лидеров главной из ближайших политических задач. Однако мировая революция не состоялась. Вместо нее на авансцену европейской общественной жизни вышел фашизм.

Изменившаяся мировая ситуация позволила сторонникам самостоятельного развития страны, сгруппировавшимся вокруг И.В. Сталина, оттеснить идеологов мировой революции от лидерства в партии и взять курс на построение

русского социализма. И.В. Сталин отстаивал идею лидерства СССР в мировом историческом процессе и тем самым возродил русскую идею на новой основе. Он рассматривал марксизм как самую передовую социальную технологию, опираясь на которую страна может создать мощную технико-экономическую базу, разрешить таким образом спор с Западом и отстоять свою самобытность. Став государственно-политическим явлением, марксизм трансформировался, в результате чего был принят специфически российский путь интенсификации экономики: коллективизация, индустриализация и т.д. В основу идеологии были положены уважение к отечественной истории и патриотизм. В результате в советскую эпоху Россия не только смогла противостоять экспансии Запада, нанеся поражение фашизму в Великой Отечественной войне, но и впервые в своей истории стала одной из двух мировых супердержав.

Постепенно, однако, поистине роковая закономерность российской истории проявила себя в новой победе западничества, что мы наблюдаем в наше время, пожалуй, в наиболее уродливой форме, нежели когда бы то ни было. Одержав победу в конце 1980–начале 1990-х гг., «демократы»-западники стали усиленно нахлестывать «лошадь истории», загоняя ее в единственные открытые ворота. Снова муссируется идея отсталости России, вызванной якобы ее отклонением от магистрального (т.е. европейско-американского) пути развития после 1917 г. Обществу навязывается идеология социальной инфантильности, ущербности: 70 лет нашей истории — это «черная дыра», социальная яма, а вот капиталистическая Европа — это царство цивилизованной жизни. Для современных западников Россия не более чем европейская окраина, которая обречена на то, чтобы стать «нормальной» европейской страной.

Напротив, национально-патриотическая оппозиция стоит на том, что Россия должна в процессе модернизации сохранить свою самобытность, культуру, традиции, иначе ее ждет социальное небытие, она перестанет существовать как Россия, превратившись в некую карикатуру на Америку. Стремление повторить чужую историю — губительно: оно ведет к потере веры в себя, в собственное историческое предназначение. Многие большие народы (к примеру, Япония, Китай, Индия) не страдают этим «комплексом за-

падничества» и остаются самими собой, сохраняя исторически присущее им культурное своеобразие.

На фоне утраты самобытной российской культуры происходит вестернизация деятельности парадигмы, переориентация вектора активности на преимущественное удовлетворение материальных потребностей человека, которое уже завело западную цивилизацию в тупики кризиса. Мы втягиваемся в смертельную борьбу за максимизацию уровня жизни и тем самым вносим свой вклад в углубление кризиса западной цивилизации. Но эта борьба вряд ли приведет нас к успеху. Создаваемый ныне усилиями американских идеологов и политиков новый мировой порядок отводит России роль сырьевого придатка стран «золотого миллиарда».

Россия выполнит свою историческую миссию по синтезированию новой культурной парадигмы, только освободившись от односторонней ориентации на изживающие себя идеалы западной цивилизации. Чтобы сохранить свою самобытность, мы должны воспроизводить традиционные формы жизни, обогащая и совершенствуя их. Как известно, культура — это общественно-исторический опыт народа, передаваемый из поколения в поколение. Но этот опыт накапливается, подвергается переработке, культуре присуща поэтому не только устойчивость, но и изменчивость. Время от времени здесь происходят не только количественные изменения, но и «культурные мутации».

Из теории цивилизаций следует, что политическим и экономическим переменам в обществе предшествует переворот в умах людей, пересмотр ценностей, идеологическая подготовка. Субъектом «культурной мутации» выступает интеллигенция, это ее историческая миссия. Но такая мутация не просто слом старой системы ценностей, а замена ее новой. Перестройка 1980-х гг. сломала систему ценностей советского общества, но «демократическая» интеллигенция, столь рьяно выполнявшая эту миссию, не сумела ни ответственно распорядиться старыми ценностями, ни тем более предложить новую систему ценностей. Наши реформаторы всего лишь поменяли знаки перед старыми ценностями на «минус», а перед ценностями западной культуры — на «плюс». С особым пиететом была позаимствована потребительская ценностная парадигма западного общества.

Значит ли это, что оптимальным был бы выбор «среднего» пути? Вряд ли. Как известно, между крайними позициями лежит не истина, а проблема. Операции суммирования и выведения среднего арифметического непригодны для развития органически целостных систем. В данном случае необходима новая, оригинальная комбинация уже известных элементов. Это сложнейшая интеллектуальная задача, и здесь особенно важна роль общенационального лидера, который был бы способен осуществить новый идейно-политический синтез и вывести страну на самостоятельный путь развития. Подобную роль «архитекторов реформ» сыграли в послевоенные десятилетия Ш. де Голль во Франции, Л. Эрхард в Германии, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин в Китае, Ли Куан Ю в Таиланде. Судьба России оказалась в этом отношении не столь благосклонной: у нас не нашлось лидера, способного выработать политику, обеспечивающую оптимальные для современных условий формы общественной жизни, позволяющие выдвинуть социальный идеал, отвечающий глубинным архетипам народного сознания.

Основу цивилизационного синтеза всегда составляют универсалии культуры, фиксирующие многовековой опыт исторического развития страны. Россия издавна была своеобразной лабораторией культурного синтеза, она выработала уникальные формы общественной жизни, соединяющие в себе достоинства западного и восточного типов цивилизации. Эти формы стали органической частью культуры всех народов, населяющих Россию, поэтому она и предстает как особая самостоятельная цивилизация. Культура народов России являет собой не конгломерат восточной и западной культур, а особый сплав, синтезировавший влияние той и другой культуры на основе самобытного исторического опыта. Каковы же основные универсалии русской культуры, ставшей центром притяжения для других народов России?

Прежде всего это всеохватывающая этика коллективности, простирающаяся до всесветности, космичности русского восприятия жизни. Коллективность противостоит индивидуализму, пронизывающему всю систему отношений западного общества. Вместе с тем она не является аналогом корпоративности, «диктатуры коллектива», присущих традиционному восточному обществу. В русской культурной традиции реализуется некоторая

оптимальная пропорция коллективного и личностного начал общественной жизни. В обществе традиционного типа человек слабо обособляется от коллектива, как бы сливается с ним, и это мешает развитию человеческой индивидуальности: здесь человек — для коллектива. Но если обособление становится чрезмерным, возникает феномен индивидуализма, противопоставляющий человека общественным структурам: человек — против коллектива. И это ничуть не менее губительно для личности, поскольку она теряет нравственную ориентацию.

Подобная «диктатура личности» по отношению к коллективу, принципиальная направленность ее на себя ничем не лучше «диктатуры коллектива», сдерживающей развитие личности. Индивидуализм — антипод не только коллективности, но и индивидуальности, поскольку он задает антисоциальный вектор развития: способствуя развитию личности, он в то же время «обесчеловечивает» ее. В самом деле, личность чрезмерно энергичная, экспансивная, склонная к обладанию, господству, насилию, — личность такого супермена — опасна для общества, она его разрушает, подрывая основу человеческого существования.

Совсем иное дело обособление индивида в той мере, которая придает его активности направленность на коллектив. Тогда побуждения личности, ее действия и поступки обретают духовно-нравственную энергию, а это не только мощный фактор созидания, но и решающее социальное условие формирования подлинной индивидуальности, становления личности, проникнутой высокой нравственностью, личности, склонной к самореализации в духовном творчестве. В России, по словам мыслителя-славянофила И.В. Киреевского, на месте личной самобытности или общественного самовластия господствует принцип: человек принадлежит миру, мир — ему. Этот принцип организации общественной жизни был воспринят в советскую эпоху как культурная матрица русского социализма. В выборе пропорции коллективности-индивидуальности, оптимальной для тех условий, как раз и кроется одна из великих загадок высочайшего духовного взлета, совершенного нашим народом в эту эпоху.

С коллективностью теснейшим образом связана соборность как способ единения людей на основе общей идеи и как форма ор-

ганизации общественного управления. В России государство выполняет функцию защиты всех населяющих ее народов и граждан, поэтому ему отдается приоритет в сравнении с правами отдельного человека и гражданина. Демократия западного типа, опирающаяся на формальное равенство граждан перед законом, не соответствует сложившейся в русской культуре пропорции рациональности-иррациональности, в которой преобладает иррациональная составляющая. Поэтому необходимым элементом общественного самоуправления в России выступает принятие решений на основе коллективного обсуждения и консенсуса. Избирательное право, реализуемое западным человеком индивидуально, тем более неприемлемо для граждан России, что в современных условиях всеобщим явлением стало манипулирование общественным мнением с помощью избирательных технологий.

На коллективных формах организации общественной жизни базируются и принципы русской духовности. Среди них особую роль играют принципы государственности и патриотизма. Человек, принадлежащий к русской культуре, видит в государстве не только форму общественной организации, но и особую духовную ценность. Для него государство, его интересы — это предмет сакрализации, это, по мысли П.Б. Струве, осуществление боговластия. Русский человек не мыслит своего счастья отдельно от благополучия и могущества государства. Более того, он способен поставить счастье Родины выше личного или семейного счастья. Для него патриотическое чувство — это выражение глубинных потребностей души. Каждый из нас в ответе за всю страну. Это — основа русской духовности.

Если, к примеру, американец живет для себя и его престиж измеряется тем, что он имеет, то достоинство нашего соотечественника определяется тем, что он сделал для народа. На Западе основной критерий успеха — собственность, у нас же — нравственное, духовное совершенствование, раскрывающееся в служении народу, обществу, государству. В российской православной традиции труд на общее благо ценен постольку, поскольку в нем происходит создание человеком своего внутреннего духовного мира. В социальном творчестве, писал Н.А. Бердяев, «продолжается богочеловеческое творение». Персонализация как движение личности к

богу — главная составляющая творческой деятельности субъекта.

Наконец, русская культура содержит в себе такие нравственные императивы, как социальное равенство и справедливость. При этом социальное равенство понимается как равенство социальных возможностей становления и самореализации личности. Выражением такого понимания равенства является великий принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». В качестве единой меры человеческого достоинства выступает трудовой вклад индивида в преумножение общественного богатства, и применение этой меры воспринимается каждым членом общества как справедливость.

Человек, причастный к русской культуре, не может быть доволен жизнью, если он не ощущает высшей, нравственной справедливости в общественной оценке достоинства каждой личности. Масштаб его счастья существенно определяется счастьем других людей, и не только «ближних», но и «дальних». С. Цвейг, размышляя о русской литературе, отмечал: «Герои Диккенса мечтают о маленьком домике, теплом очаге и благополучии своего потомства, герои Бальзака грезят высокими титулами и миллионами, герои Достоевского и Толстого никогда не помирятся на личном только счастье, для них счастье — это счастье всего народа, всего человечества, они так устроены, что живут идеей космического совершенства».

Все реформы, проводившиеся в нашей стране, и особенно в последние десятилетия, были направлены на размывание этой общинной основы российской жизни и на внедрение частнособственнического начала в общественную жизнь и общественное сознание. В конечном счете они нацелены на подавление русской культурной традиции и российского менталитета. Между тем, учитывая сказанное о нравственных императивах русской культуры, о ее всесветности и всечеловечности, т.е. обращенности ко всем народам мира, есть смысл говорить об особой ее миссии в синтезе цивилизаций. Именно русская культура могла бы послужить матрицей этого синтеза, особенно в том, что касается нравственности и духовности как определяющих начал общественной и личной жизни.

Чтобы построить в России общество, соответствующее идеалам социального прогресса, надо решительно отказаться от попы-

ток вестернизации и слома главенствующих императивов русской культуры. Мы должны утвердить такие формы жизни, через которые реализуются основные универсалии нашей культуры — коллективизм, соборность, приоритет государственности перед частными интересами, социальное равенство и справедливость, приоритет духовности перед потребительством. Основой общественного сознания в этом случае становится нравс-

твенность, на место формальной демократии встает непосредственная демократия, предполагающая совместную выработку решений и прогнозов будущего. Смысл человеческой жизни при этом определяется уже не уровнем материального потребления, а степенью развития духовных потребностей личности. Только на этих социальных и нравственных основаниях возможен прогресс человека и общества в нашей стране.